

ность, систему явлений и предметов. Рассматривая многообразие связей, существующих в мире, Б. Быховский выделяет всеобщую форму связи — причинную. Исследователь стремился раскрыть диалектическое взаимодействие причины и следствия, результатом которого является непрерывная цепь причинно-следственных связей. С. Каценбоген акцентирует внимание на анализе такой формы всеобщей связи, как закономерность. Он показывает ее объективный характер, подчеркивает универсальность закономерных связей⁵.

В работах белорусских марксистов нашел отражение и принцип всестороннего анализа исследуемого объекта. Применение этого принципа было характерно для таких авторов, как Б. Быховский, С. Вольфсон, Р. Выдра, Г. Гурев, Н. Никольский. Например, С. Вольфсон, критикуя буржуазные идеологические концепции, не ограничился рассмотрением новейших теорий, но подверг критическому анализу проблемы политической экономии, этики, эстетики, математики, биологии, на которых пытались спекулировать буржуазные теоретики. Для написания своей книги «Идеология загнивающего капитализма» белорусский марксист проанализировал свыше 130 трудов буржуазных авторов на немецком, английском, французском и польском языках.

Разоблачая богословскую легенду об изначальном монотеизме древне-еврейской религии, Н. Никольский подробно рассмотрел процесс исторического развития религии, начиная с ее первобытных форм. Были проанализированы религиозные верования древнего Израиля, Ассирии, Вавилонии, Египта и Финикии в их связи с социально-экономической жизнью этих государств. Все это позволило ученому доказать, что «израильско-иудейская религия не только не была «наставницей» других религий, но, наоборот, сама училась у своих соседей и конкурентов»⁶.

Принцип всестороннего анализа исследуемого объекта широко применялся белорусскими учеными для критики распространенной в то время идеалистической концепции «тепловой смерти» вселенной. Так, Г. Гурев обосновал материалистическое положение Геккеля о неправомочности экстраполяции роста энтропии на всю Вселенную. Б. Быховский, С. Вольфсон и др., используя достижения физики, химии, математики, убедительно показали, что во Вселенной происходят процессы обратного характера по отношению к возрастанию энтропии.

Итак, в 20-е—30-е годы белорусские историки философии вели целенаправленную борьбу за овладение ленинскими принципами анализа историко-философского процесса. И хотя некоторые труды имели серьезные недостатки, не отличались глубиной решения, — сама постановка вопроса о значении теоретической деятельности В. И. Ленина, об огромной важности его методологических принципов имела в условиях острого идеологического противоборства тех лет громадное политическое и научное значение, приближая окончательную победу марксистско-ленинских идей в республике.

¹ Год без Ленина. — Минск, 1925. — С. 12.

² В а л ь ф с о н С. Я. Ліст у рэдакцыю «Бальшавіка Беларусі» // Бальшавік Беларусі. — 1932. — № 15—16. — С. 60.

³ В а л ь ф с о н С. Я. Ідэалогія загниваючага капіталізму. — Мінск, 1934. — С. 223.

⁴ См.: Б ы х о ў с к і Б. Э. Нарыс філасофіі дыялектычнага матэрыялізму. — Мінск, 1931. — С. 42.

⁵ См.: К а ц е н б о г е н С. З. Да пытання аб заканамернасці грамадскага жыцця // Палымя. — 1926. — № 1. — С. 94.

⁶ Н і к о л ь с к і Н. М. Політэізм і монатэізм у яўрэйскай рэлігіі. — Мінск, 1931. — С. 107.

И. И. ЛЕЩИНСКАЯ

РОЛЬ ИДЕАЛОВ И НОРМ НАУКИ В РАЗВИТИИ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Кризис западного буржуазного сознания, начавшийся во второй половине XIX века, характеризуется прежде всего откровенным разрывом с основным идейным содержанием классической философии. В процессе углубления этого кризиса отвергаются наиболее значительные принципы и установки рационалистической традиции классической философии. Причину несостоятельности этой традиции современная буржуазная философия

усматривает в «бессмысленном подражании науке и методам теоретического мышления в особенности»¹. Несомненно, что абсолютизация этого тезиса и возведение его в ранг единственно значимого существенно искажает и упрощает действительное положение. Согласно марксистской точке зрения, столь резкое изменение ориентации философского сознания в конечном счете объясняется обстоятельствами общего кризиса капитализма — кризиса, который пропитывает все сферы жизнедеятельности современного буржуазного общества. Одним из мотивов этого критического отношения является попытка обвинить предшествующую философскую традицию в некритическом усвоении идеалов и норм классического естествознания.

Анализ истории науки и истории философии дает возможность зафиксировать достаточно сильное воздействие со стороны зарождающегося естествознания на философию Нового времени (что, разумеется, не исключает и обратного воздействия). В эпоху античности и средневековья не возникала проблема взаимоотношения философии и науки, поскольку знание в этот период характеризовалось нерасчлененностью, синкретичностью. Возникновение и оформление науки как социокультурного феномена вызвало к жизни эту проблему.

Взаимоотношение философии и науки в Новое время отличалось прежде всего ориентацией философии на естественно-научное знание. Сформулированные в естествознании установки нового научного стиля мышления оказали влияние на философию и послужили основанием для трансформации самого способа духовной деятельности вообще. «Картина мира, вырабатываемая точными науками, вызванные ими к жизни нормы и методы познания, способы рассуждения и проверки знания, — замечают в связи с этим Е. К. Быстрицкий и В. П. Филатов, — служили эталоном для оценки... других форм познавательного опыта»².

В соответствии с ценностными и мировоззренческими установками духовной деятельности, характерными для капиталистического способа производства, естествознание утвердило новые идеалы и нормы научного исследования. В естественно-научном знании были сформулированы требования жесткого разграничения сфер субъекта и объекта. В результате десубъективизации, деантропоморфизации представлений о природе мир был проинтерпретирован как универсум вещей, подчиненный строгим каузальным закономерностям. Выработанная учеными категория объективности, которая преодолела в себе наивный антропоморфизм античного философского наследия, оказала решающее влияние на развитие научного стиля мышления.

Для более полного раскрытия содержательных аспектов идеалов и норм зарождающегося естествознания необходимо учесть, что по своему характеру оно было математическим и ставило своей задачей математическую формулировку законов природы. В античности господствующие представления о мире затрудняли применение количественных методов исследования. Однако уже тогда математика была критерием строгости доказательства, эталоном для проверки основательности глобальных схем, объясняющих мироздание. Античная геометрия, которая продуцировала интерсубъективно значимое знание, послужила методологическим ориентиром для великого итальянского мыслителя Г. Галилея в создании принципов математического естествознания. Галилей рассматривал природу как некий математический универсум. Он абстрагировался от всех субъективных свойств предметов и пришел к признанию в качестве единственной реальности мира телесных вещей, где царит математическая закономерность, и количественные отношения являются единственными его характеристиками. Процесс математизации знания о природе, начатый Галилеем, привел к значительным методологическим и мировоззренческим последствиям: были заложены предпосылки для разделения идеализированного мира, познаваемого математически, и реального мира.

Значительным шагом в этом направлении была осуществленная Декартом, Ньютоном и Лейбницем «алгебраизация геометрии». По существу, был выработан адекватный математический инструмент исчисления, который позволил дать количественное выражение не только явлениям, но и процессам. «Алгебраизация геометрии» «открыла путь прогрессирующей формализации математических средств, применяемых для описания природы, процесса, лишившего естественно-научные понятия их первоначально интуитивного содержания»³. По мере того, как развивались и шлифовались математические методы исследования реальности, математика, служившая первоначально для фиксации эмпирических закономерностей действитель-

ности, все более и более отдалялась от нее. «Геометрия, — утверждает М. Полани, — стала наукой о пустом пространстве; математический анализ, присоединенный Декартом к геометрии, отошел вместе с ней в область, никак не связанную с опытом. Математика превратилась в символ рационального, безусловно истинного мышления»⁴. Эта идеализирующе-математическая установка, которая привела к количественному истолкованию природы и продемонстрировала строгость научных результатов, оказала значительное влияние на развитие всей философской мысли.

Для философских изысканий эпохи Нового времени характерна неразрывная связь с естественно-научными изысканиями. Выработанные мыслителями идеалы и нормы научного исследования стали методологическими регулятивами и для философских построений. Попытка трансляции идеалов и норм науки явилась неоднозначной по своим последствиям. С одной стороны, философия в своем стремлении освободиться от субъективистских обыденных и религиозных наслоений и достичь точных результатов усвоила наиболее общие идеалы научности, такие как объективность, обоснованность знания. С другой стороны, наряду с этими наиболее общими установками был усвоен и такой слой идеалов и норм, который характеризовал специфику классического естествознания и был не приемлем для экстраполяции на другие виды познавательной деятельности, в том числе и философской.

Если обратиться к историко-философскому материалу, то можно достаточно четко зафиксировать стремление мыслителей создать рациональную конструкцию действительности, которая отвечала бы идеалам, функционирующим в математическом естествознании. Так, в своей философской системе Декарт свел все многообразие эмпирического мира к протяженной субстанции. Гоббс, подвергший критике Декарта за постулирование особой духовной субстанции, целиком и полностью разделил его воззрения относительно материального мира. Спиноза также выделял в качестве важнейшего атрибута протяженность. В учениях этих мыслителей вырабатывалась новая концепция природы, концепция «чистой объективности». Однако эта математическая модель действительности, по мере дальнейшей ее формализации, все менее и менее обнаруживала свое происхождение из человеческой познавательной деятельности. Произошла своеобразная подмена реального мира эмпирического опыта миром идеальных объектов. Действительность, понятая в терминах математического естествознания, как бы замкнулась в себе, стала самодовлеющей в своей внеположенности человеку. Она отделилась от мира жизни, от мира человеческих отношений, от мира ценностей.

Таким образом, унифицирующее, объективистское видение мира привело к тому, что философия сознательно не задавалась ценностными установками, связывающими мышление с мировоззренческими аспектами. Это является следствием того, считает В. С. Швырев, «что традиционная философско-мировоззренческая проблематика поиска предельных оснований отношения мира и человека как бы растворяется, снимается в рамках натуралистической онтологии, являющейся одновременно концептуальным каркасом специальных наук»⁵. Если даже подобная проблематика имела место, то она не могла получить своего разрешения на каких-либо иных принципах, чем исходные установки естественно-научного мышления.

Следует остановиться еще на одном аспекте, характеризующем развитие классической философии. Так как идеалы и нормы науки задают обобщенную схему метода научного исследования, то философия, руководствуясь этими идеалами и нормами, пыталась построить свой метод по аналогии с естественно-научным. Поэтому представляется закономерным выдвижение вопросов метода в философии Нового времени на первый план. «Это обусловлено не столько, по меньшей мере не только, необходимостью, — замечает В. А. Лекторский, — дать науке определенные ориентиры исследования (отчасти путем рефлексии над наличной практикой, отчасти в виде предвосхищения), сколько задачами перестройки именно метода философствования, стремлением привести его в соответствие с новым стилем мышления»⁶. Философия этой эпохи, по существу, имитировала процедуры рассмотрения действительности, характерные для естественно-научного знания. Это выразилось прежде всего в применении частнонаучного метода к решению традиционно философских проблем. Все вопросы, касающиеся человека, разрешались с помощью методов естественно-научного знания.

Жесткая ориентация классической философии на естественные науки

оказала влияние не только на создание специфического проблемного поля, но и явилась одной из причин изменения самого способа философствования. Характерной чертой философии этой эпохи было полагание научных понятий в качестве онтологических характеристик бытия. Основой этого полагания являлось убеждение мыслителей в наличии определенной гармонии между организацией бытия и субъективной организацией человека. Иными словами, имело место своего рода опрокидывание интеллигильных схем на внешний мир. Логическим следствием вышеуказанного подхода было «постулирование познаваемости, «прозрачности», соизмеримости, согласованности внешнего, независимого от человека мироустройства, миропорядка и человеческого сознания, мышления, а благодаря этому утверждение рациональности самого мира, бытия»⁷. Особенно отчетливо эта однородность бытия и мышления прослеживается в рационалистическом направлении классической философии.

В системе немецкого мыслителя Лейбница методологическую основу этой согласованности составило одно из наиболее важных и известных учений — учение о предустановленной гармонии. У Спинозы соответствие мысли внешнему бытию проявилось в параллелизме атрибутов протяжения и мышления, в идентификации принципов мышления и бытия. Окончательное завершение этой тенденции мы находим в философии Гегеля, которая постулировала полное тождество бытия и мышления. Разум в такой интерпретации превратился в единственного властелина и законодателя бытия.

Именно рационализму наиболее свойственна тенденция спекулятивно-го пренебрежения действительностью. «Рационалист, — замечает в связи с этим М. А. Киссель, — фактически имеет дело с воображаемой действительностью и манипулирует с ней, как хочет. Он все время находится «у себя дома», оперирует созданиями своего ума, его мысль вращается в магическом круге, очерченном рамками его излюбленной теории, и все, что не укладывается в эти рамки, признается несуществующим»⁸. Философия по существу превратилась в форму абстрактного теоретизирования. Оперирование идеализациями, репрезентирующими действительность, стало специфической формой практики. Овладение этой практикой могло происходить без малейшего понимания и осознания ее внутренней необходимости, ее границ. Причиной тому явилась утрата первоначального смысла этих идеализаций.

Анализ показывает, что попытки некритической экстраполяции идеалов и норм науки, когда вместе с общенаучными установками в философию были перенесены те идеалы и нормы, которые являлись специфическими для физико-математического естествознания, послужили одной из причин превращения философии в спекулятивную форму системосозидания.

Абсолютизация методов науки вызвала резкую критику со стороны иррационализма, возникшего как реакция на постулаты рационалистической традиции классической философии. Верно осознав недостаточность и односторонность методологических принципов, на которых была построена классическая философия, иррационализм подверг их уничтожающей критике, отбросив и то позитивное, что было достигнуто.

Марксизм-ленинизм исходит из того, что если философия является научной, то в ее методологических установках всегда можно обнаружить такой пласт идеалов и норм, который роднит ее с наукой.

¹ Киссель М. А. Судьба старой дилеммы: рационализм и эмпиризм в буржуазной философии XX века. — М., 1974. — С. 164.

² Быстрицкий Е. К., Филатов В. П. Теория познания и проблема понимания // Гносеология в системе философского мировоззрения. — М., 1983. — С. 273.

³ Филатов В. П. Естествознание и жизненный мир: проблемы феноменологической интерпретации точных наук // Вопросы философии. — 1979. — № 4. — С. 135.

⁴ Полани М. Личностное знание. — М., 1985. — С. 28.

⁵ Швырев В. С. Проблема отношения науки и метафизики в современной англо-американской философии науки // Проблемы и противоречия буржуазной философии 60-х—70-х годов. — М., 1983. — С. 35.

⁶ Лекторский В. А. Философия и научный метод (К истории и теории постановки вопроса) // Философия в современном мире: Философия и наука. — М., 1972. — С. 181.

⁷ Буцениец Э. А. Традиции рационализма и современный иррационализм // Критика феноменологического направления в современной буржуазной философии. — Рига, 1981. — С. 11.

⁸ Киссель М. А. Судьба старой дилеммы... — С. 54.